

Если я выберу такой путь, за мной никто не пойдёт, поэтому я выбрал просвещение.

Годжо Сатору поднял голову и посмотрел на молчавшего Какаши. На этот раз на лице Какаши не было привычной непроницаемой маски равнодушия: брови слегка нахмурились, а уголки рта напряженно выпрямились.

Какаши размышлял. Слова Годжо Сатору — те самые, что объясняли причину, почему он стал учителем, — звучали скорее не как мотив, а как заветная мечта. Нет, по своей сути это было нечто схожее с Планом «Глаз Луны».

Но Годжо Сатору был особенным, ведь он обладал достаточным реализмом и здравомыслием. К тому же он был сильнейшим обладателем Шести Глаз... План Годжо Сатору был выполнен, теоретически он мог увенчаться успехом.

Теоретически... Вернувший контроль над разумом Какаши вздохнул: любой успех в теории в конечном счете оставался лишь идеализмом.

Какаши не стал отвечать сию же секунду... Ему требовалось пропустить каждое слово и каждый слог, сказанные Годжо Сатору, через себя, размять, истолочь, проглотить и как следует переварить.

— ...Неужели он со мной не согласен? — Годжо Сатору почувствовал некоторую неуверенность. Быть может, информации оказалось слишком много и не стоило вываливать всё разом?

С другой стороны, напарников всегда принимают постепенно, а такой излишне рассудительный человек, как Какаши, требует подхода шаг за шагом, — подумал про себя Годжо Сатору.

Пытаясь исправить положение, Годжо Сатору тут же добавил:

— На самом деле отчасти дело еще и в том, что мой бывший классный руководитель стал директором, и я тоже хочу, как и он, воспитать непобедимый дуэт, такой же, как мы с Шоко и... Гето.

Какаши моргнул. Почудилось ли ему, или Годжо Сатору действительно на секунду запнулся, произнося это имя?

Безо всякой на то причины Какаши почувствовал, что должен как-то отреагировать, но эта неуклюжая попытка Годжо Сатору сгладить углы заставила его горло сжаться до боли, так что он не смог вымолвить ни слова.

Причина была проста: пугающее сходство составов и та самая заминка Годжо Сатору при упоминании третьего члена команды.

Неужели он такой же, как я? — мысленно спросил себя Какаши.

Такой же? Или нет?

Было ли у Годжо Сатору прошлое, похожее на судьбу некогда самоуверенного Хатаке Какаши? Был ли он трусом, который ставил под сомнение преданность товарищей, потерял всё и теперь вынужден в одиночестве нести груз воспоминаний, выживая в изоляции?

Даже если душа от боли готова была рассыпаться в прах, даже если от каждого удара пульса казалось, что израненное сердце истекло кровью, но его продолжало нещадно терзать — даже будучи настолько уставшим и одиноким... Какаши все равно выбирал жить.

Жизнь была до того проста, и в то же время несла в себе столь роскошную, звенящую печаль.

Он разрывал свою душу надвое: одну половину прятал под маской, терпя жжение в глазах и в одиночку зализывая раны, мазохистски истязая тело и разум — точно так же, как в те дни в Анбу.

Другую же половину он выставлял на солнце, полностью копируя манеру близкого друга и озаряя всё вокруг обаятельной улыбкой, не теряя бодрости духа при любых обстоятельствах — точь-в-точь как Обито.

Словно расщепление личности, но не оно.

Словно виртуозная маска, но маской это назвать было нельзя.

Хатаке Какаши — человек, прошедший через череду смертей и расставаний, познавший всю бренность и превратности сансары. Он безмолвно со стороны наблюдал за людской суетой, казалось бы, участвуя в ней, но на самом деле лишь касаясь ее по касательной. Разве мог столь глубокий человек страдать расщеплением личности?

Две совершенно разные души, столь независимые и яркие, — вот истинное лицо Какаши.

Именно поэтому в этом мире больше никогда не появится второго человека, похожего на Хатаке Какаши.

Именно поэтому... сердце Какаши слегка кольнуло.

Пожалуй, ему следовало догадаться еще в тот самый миг, когда он впервые увидел Годжо Сатору. С чего бы ему вдруг встретить в совершенно незнакомом мире человека, столь невероятно похожего на него внешне и по характеру?

Его появление здесь определенно не было случайностью: в этом скрывался некий высший, неизбежный кармический смысл.

Упомянутые Годжо Сатору Мир магов, шаманы, Проклятые духи и проклятия — все эти термины были для Какаши совершенно новыми, но он чувствовал, что они практически ничем не отличаются от знакомых ему по прежней жизни ниндзя, Хвостатых зверей и чакры.

Если отбросить разницу между проклятиями и чакрой, Какаши мог с уверенностью утверждать, что попавший в поле его зрения Киото и деревня Коноха... были близки по духу. Это была уменьшенная копия Конохи.

Пусть здесь и не велись войны между Пятью великими державами, но существовали обычные люди, шаманы, верхушка Мира магов, жаждущая установить справедливость и равенство, и Проклятые духи.

Ха, если подумать, разве это не тот же План «Глаз Луны»? Неужели все обладатели особых сил искренне верят, что через принесение в жертву заранее определенных ими людей можно добиться вечного равенства и счастья?

Как же это иронично... — подумалось Какаши.

Судя по словам Годжо Сатору, верхушка Мира магов, похоже, тоже грезил о воплощении Плана «Глаз Луны», придуманного Учихой Мадарой: прикрываясь собственным положением и ресурсами, они провозглашали борьбу за великое благо и скармливали не ведающим истинного положения дел людям красивую сказку об идеальном мире.

Впрочем, разница все же была, подумал Какаши. Сторонники Плана «Глаз Луны» искренне верили в успех своего начинания, а его зачинатель был непреклонен.

Годжо Сатору всё это время ждал ответа Какаши. Тот факт, что Какаши мог отвергнуть его догадки, заставил его понервничать целую секунду, но заметив, что Какаши, судя по всему, вовсе не собирается спорить с его точкой зрения, Сатору решил, что собеседник наверняка провел какие-то параллели, оттолкнувшись от его слов.

Пусть он и не знал наверняка, к каким именно выводам тот пришел, вряд ли они сильно отличались от правды... Годжо Сатору смотрел на Какаши своими ярко-синими, лишенными и малейшей примеси мути глазами, а тот тем временем поднял на него взгляд, в котором читалось нечто среднее между твердой решимостью и гневом.

Слишком похожи, — с горечью подумал Какаши. Две расколотые половины его души одновременно преисполнились скорби, причудливо переплетаясь воедино.

— Абсолютной справедливости не существует, — раздался хриплый голос, хрупкий, но

исполненный несокрушимой стойкости. — До тех пор, пока существуют жертвы, справедливости не достичь.

Глаза Годжо Сатору засияли. Мир вокруг сузился! Всё то, на что он не хотел смотреть, исчезло. В этот момент его Шесть Глаз видели исключительно одного лишь Какаши!

В глазах Годжо Сатору сложные оттенки ауры Какаши причудливо переплелись, но ни один из них не был запятнан скверной. Медленно из этого хаоса начал проступать неясный узор.

Это цветок, — с непоколебимой уверенностью подумал Годжо Сатору. Шафран.

Мнение глупого автора на тему того, когда двое красивых, сильных и несчастных сходятся.

По моему разумению, эмоции и мировоззрение у таких персонажей довольно специфические: их поступки легко понять и проанализировать, но вот свести их вместе — задача не из легких.

Какаши понимает абсолютно всё, но из-за боли утраты и страха, что мимолетное счастье лишь сделает последующую потерю еще более невыносимой, он превращается в трусливого избегающего типа.

В то же время он из тех людей, кто, однажды действительно отдав кому-то свое сердце, берет на себя ответственность на всю жизнь. У него почти параноидальный склад ума, граничащий со скрытой одержимостью, при внешней мягкости, уступчивости и склонности к самобичеванию.

Таким людям не суждено быть активными партнерами. В романтических отношениях пассивная сторона обычно испытывает больше счастья, чем доминирующая. В определенных аспектах можно сказать и так: занимающий подчиненную позицию черпает радость и удовлетворение в самой возможности наслаждаться чужой любовью и владеть ею, в то время как доминирующий партнер обретает счастье и умиротворение через отклик второй половины и собственное чувство любви.

Годжо Сатору было неинтересно разбираться в подобных вещах, за всю свою жизнь он постиг лишь одно понятие — товарищ, но в итоге товарищ сбежал. И теперь у Сатору в голове засело: я хочу обрести кого-то вроде Гето. Это отличается от мыслей Какаши в духе «я хочу, чтобы Обито вернулся, но в то же время молюсь, чтобы он никогда не возвращался».

На дворе 2015 год, они только что разошлись во мнениях, так что Сатору пока не достиг того просветления, что и Какаши. Лишь убив Сугуру собственными руками в 2017 году, Годжо Сатору по-настоящему осознает смысл фразы о том, что живым всегда больнее, чем мертвым, и только тогда он сможет до конца понять те глаза Какаши.

Именно поэтому в данный период времени Годжо Сатору, интуитивно чувствующий исключительность Какаши, будет проявлять больше инициативы, жажда обрести опору. В то же время горький опыт с Гето позволяет Сатору глубже прочувствовать отчаяние Какаши, а значит, ради того чтобы удержать его нераздельно и навсегда, он тем более не отпустит его — и тогда Сатору берет инициативу в свои руки.

Резюмируя: путь развития сильных, красивых и несчастных персонажей обязательно лежит через убийство лучшего друга собственными руками, последующее попадание под его Цукрёми/запечатывание, и лишь после встречи с другим таким же несчастным героем они могут обрести счастливый конец. Все лучшие друзья — сплошь идеалисты, одержимые лишь великой целью и абсолютно лишённые романтики в голове... Тоже мне головная боль.

Дайте объясниться. Изначально я планировал выпускать главы ежедневно,

но застрял на размышлениях о том, каковы же причины окончательного решения Какаши и Годжо Сатору быть вместе, и кто из них должен доминировать в отношениях.

А потом подумалось, что чисто через сюжет развитие чувств не показать.

Годжо Сатору: Чувства превыше всего, темп должен быть быстрым! Назвал меня Сатору сегодня по случайности? Завтра это станет его полезной привычкой! Что до проблем с карьерой — я могу развернуть Территорию и решить всё разом, раз и навсегда, так что тебе даже писать об этом не придется. Заодно помоги мне изучить вопрос с этим Гето.

Я: Слушаюсь и повинуюсь, сильнейший, никаких проблем, сильнейший.

Так что Гето действительно не умрет, обойдемся без Мозга, но, пожалуй, выберем для него какую-нибудь форму проклятого духа с духовным паразитированием.

В общем, в итоге я стер прежний вариант и переписал главу заново, поддавшись девизу: творить ночью — наше всё.

К слову, пара Годжо и Какаши обойдется без сильной боли и стекла. Как могут резать по живому двое хладнокровных, рассудительных, обладающих собственным мнением и достаточно сильных взрослых?

Разве что выпустить на арену Обито, чтобы устроить знатный любовный треугольник (Пакку спешит на помощь).

Совместимость: 8%

— Что такое? — Какаши заметил, что Годжо Сатору застыл, словно увидев нечто невероятное, и теперь таращился на него во все глаза, не моргая и замерши в одной позе.

Жутковато... По спине Какаши пробежал холодок от такого пристального взгляда. Эй, он ведь просто высказал собственное мнение, стоило ли так пялиться на него, как на монстра?

К слову, а глаза у него невероятно красивые... — на секунду мысли Какаши унеслись в сторону, но уже в следующее мгновение он осознал, что оказался очарован внешностью собеседника.

— Даже обладателю Шести Глаз вредно так долго не моргать, неужели они совсем не сохнут?
— Какаши громко кашлянул.

Годжо Сатору моргнул:

— Вообще-то сохнут, но что поделать, если Какаши до того очарователен ~

— ...Ладно, — вздохнул Какаши. — Твоя очередь задавать вопрос.

— Дай подумать, — Годжо Сатору приложил палец к подбородку. — Кстати, обо всех этих проклятых штуках, что я упомянул, Какаши, кажется, всё понял без всяких дополнительных объяснений. Но судя по тому, как мало ты знаешь о самих проклятиях, неужели в твоём родном мире ситуация обстоит совсем иначе?..

Услышав это, Какаши внутренне напрягся. Он слишком сильно погрузился в тему и на секунду потерял бдительность, в результате чего прокололся.

Впрочем, разве есть что-то плохое в том, чтобы рассказать? Какаши решил выдать информацию дозированно, поделившись лишь тем, чем было можно.

— Почти то же самое. Если не считать разницы в названиях, всё, о чем ты говорил, можно соотнести с тем, что известно мне.

— О? И как же это называется у вас? — Годжо Сатору понимал, что Какаши не выложит всё начистоту, да он и не рассчитывал узнать всё сразу. Познание должно идти от простого к сложному, в конце концов, ему всего 25 лет, впереди ещё вагон времени.

— Ну, например, Мир магов в наших краях называется Деревней ниндзя, а живущих там людей называют ниндзя. У нас не существует проклятий, зато есть сила под названием чакра, которую извлекают из тела и самой природы.

Годжо Сатору нашел это весьма любопытным:

— Ниндзя? Это те самые ниндзя, о которых я думаю? — вспомнив, как лицо Какаши было замотано так, что виднелся лишь один глаз, он решил, что догадался верно.

— А о каких думаешь ты? — Какаши никак не ожидал, что Годжо Сатору тоже слышал о ниндзя. Неужели в этом мире они тоже существуют?

— А? — Годжо Сатору не понял, чему так удивился Какаши. — Ну, те парни в черных одеждах, которые, как и ты, носят маски, скрывающие всё лицо, кроме глаз; за спиной у них мечи, и они выполняют заказные убийства с помощью всяких странных скрытых клинков.

Годжо Сатору припомнил образы из сёнэн-манги, хотя для него подобные трюки были детским лепетом. Однако для обычного человека это действительно выглядело как фокус.

Как правило, большинство шаманов кучковалось внутри очерченных Миром магов границ. Этот периметр занимал лишь крошечный, ничем не примечательный клочок на карте города, но поскольку там не водилось обычных людей, не было и проклятий, из-за чего шаманам не приходилось рисковать жизнями ради изгнания Проклятых духов.

Поэтому, даже понимая, что подобное поведение сродни сидению лягушки на дне колодца, они все равно предпочитали цепляться за свой крошечный надел.

Но Годжо Сатору был исключением — он же всё-таки был сильнейшим. Начиная с первого года обучения в техникуме, они с Сугуру Гето частенько сбежали с уроков в магазин манги, чтобы помечтать о будущем. И хотя, подобно прочим шаманам, они совершенно не желали заводить контакты с порождающими проклятия людьми...

Два главных столпа Мира магов, хотя внешне они никак не ассоциировались с положительными персонажами, в школе действительно вели себя как парочка хулиганов-шаманов. Они развязно усаживались на деревянный пол и битый час напролет, не отрываясь, листали свежие томики манги — так могло пройти целое полугодие, доводя Масамичи Ягу до белого каления.

Яга: Я-то думал, вы сбегаετε с уроков тренировать сгустки проклятой энергии, а вы, оказывается, такие чистые душой дети! (Предупреждение: персонажи манги в виде проклятых трупов)

Годжо и Гето: Мы уже бежим тренироваться! Только отпустите проклятый труп, давайте поговорим как люди! Не оживляйте его только!!!!

Позже, когда Масамичи Яга допытывался у них, почему они покидают пределы барьера Мира магов, но при этом упорно избегают любых контактов с обычными людьми, объяснение Годжо Сатору было донельзя простым.

Во-первых, это банально хлопотно: обычные люди не видят проклятые предметы, да и он не мог таскать за собой Гето, чтобы на ходу вылавливать проклятия из прохожих и скатывать их в шарики на месте.

Даже если попадется Проклятый дух, от которого Гето просто в восторге; даже если вокруг бродящего рядом с этим духом случайного прохожего на много лиль вокруг не окажется ни души; даже если чуть впереди обнаружится укромный темный переулок, идеально подходящий для дела.

Всё равно нельзя.

И дело было вовсе не в опасениях, что всё может перерасти в уголовное дело по статье о несовершеннолетних, и не в заботе о том, чтобы обычный человек не пострадал во время изгнания проклятия. Вся проблема крылась в гордости, чести и имидже двух сильнейших, двух хулиганов-сильнейших, двух мужчин-хулиганов-сильнейших.

Даже одержимый карьерой и безумно пожирающий проклятия Сугуру Гето предпочел бы отказаться от приглянувшегося проклятия, лишь бы не навредить ни в чем не повинным обезьяноподобным созданиям.

Даже напрочь лишенный всяких приличий Годжо Сатору, чье имя боялись произнести вслух, отказался бы от покебола Гето по той же причине: нежелание причинять вред невинным людям.

А во-вторых, в мире, который видели Шесть Глаз, даже простое произнесение чужого имени могло стать сильнейшим проклятием.

Впрочем, если подумать... — Годжо Сатору слегка засомневался, ведь все эти ниндзя, о которых он говорил, были персонажами исключительно из манги, созданиями вымышленными...

С каких это пор ниндзя стали обладать столь странным прикидом? Какаши чувствовал, что образ, нарисованный Годжо Сатору, звучит просто жалко.

Он покачал головой и произнес:

— Наверное, это просто совпадение имен, мы не носим черное... — Какаши внезапно замолк, и на его лице застыли глаза дохлой рыбы.

О нет, подождите. Если речь шла об Анбу, то их экипировка выглядела именно так.

Одежда — исключительно черная, маска стала практически частью собственного лица. И пусть меча при нем не было, но, владея техникой клинка, когда-то он носил за спиной ниндзято. В

набор обязательного снаряжения для скрытных убийств входили сюрикэны, кунаи, наручи и взрывные печати — стандартная четверка.

Нарядиться в тот самый образ, что описал Годжо Сатору, чтобы отправиться на задание по устранению... Диагноз подтвержден: это был Анбу Какаши, собственной персоной.

Зря он только что ругал этот стиль.

— Чего замолчал? — с любопытством уставился на него Годжо Сатору.

— Ничего. Просто вдруг подумалось, что ты в общем-то прав: у нас и впрямь существуют ниндзя, специализирующиеся на заказных убийствах, и подчиняются они напрямую... главе деревни.

Какаши заметил неопишемое выражение на лице Годжо Сатору... пусть описание и впрямь звучало неказисто, но называть главу деревни Хокаге казалось слишком громоздким.

В конце концов, заняв этот пост, человек фактически превращался в кабинетного работника... — вспомнив свой собственный опыт побыть главой селения, подумал Какаши.

Проигнорировав странные ассоциации с терминологией, Какаши продолжил:

— Ниндзя в какой-то мере похожи на наемников: в мирное время они зарабатывают на жизнь выполнением различных поручений, а в военное — превращаются в боевые отряды.

— Э? Почему это? — удивился Годжо Сатору. — Разве они не государственное оружие? Или у государства действует принцип «не кормить дармоедов»? В войну вы — главная ударная сила, а в мирное время должны сами добывать себе пропитание? Типичный пример утилизации: использовали и выбросили, а как грянет новая война — государство вас снова приберет к рукам?

Как вообще в этом мире могут существовать государства? При таком-то раскладе неужели ни у кого не возникало мысли просто взять и вырезать верхушку страны?

Какаши тяжело вздохнул. Всё было слишком сложно...

— М-м, ситуация там несколько запутанная, но для базового понимания этого пока достаточно.

Бросив взгляд на Годжо Сатору, чей вид явно говорил: «Рассказ на самом интересном месте, почему это вдруг в следующей серии? Я крайне недоволен», Какаши почувствовал усталость, но всё же продолжил объяснения.

— Деревня ниндзя лишь концептуально похожа на Мир магов, да и людей, способных стать ниндзя, на самом деле не так уж много. Но если вы используете силу для уничтожения проклятий, то ниндзя — это секретное оружие страны, способное справиться с сотней врагов. Ниндзя, самураи, обычные люди — когда разгорается война, пощады не ждет никто, — произнес Какаши.

Годжо Сатору подумал, что история эта выдалась вовсе не веселой. Он даже сквозь слова мог прочувствовать, насколько безумным был мир ниндзя, в котором жил Какаши.

— В конечном счете, это всего лишь взаимное истребление людей ради государственных интересов? Верно, если сравнить, шаманы-то не убива... — Э? Годжо Сатору моргнул. До него внезапно дошло, почему Какаши тогда замолчал на полуслове.

Когда Какаши утверждал, что одежда ниндзя не похожа на его описание, он вспомнил об особом отряде Анбу. Раз ему была известна форма Анбу, значит, Какаши вполне мог сам состоять в рядах этого подразделения.

А человеческая природа склонна к повторению пройденного.

Вспомнив эту до боли знакомую паузу посреди фразы, Годжо Сатору понял причину того внезапного обрыва.

Выходит, и среди шаманов, и среди ниндзя находятся те, кто идет обособленным путем...

Ах... лучший друг, чёрт... как же это хлопотно!

Какаши больше не стал развивать тему. Годжо Сатору видел всё насквозь, и при такой скорости мышления и умении делать выводы ему было проще выложить всю историю разом.

И дело было вовсе не в том, что Какаши намеренно что-то утаивал — просто отношения в его родном мире отличались чудовищной запутанностью. Добавьте к этому все эти читерские способности вроде Эдо Тэнсэй, реинкарнации Мудреца Шести Путей, Кагуи, техники запечатывания мертвых демонов и прочее — без личного опыта во всем этом разобраться было практически невозможно.

— Какаши-сэнэй, у меня вопрос! — Годжо Сатору вскинул руку, в точности изображая любознательного ученика. — Скажи, много ли людей способны накапливать чакру?

Что ж, раз уж он и впрямь скрыл слишком многое, можно и удовлетворить любопытство этого ученика, — подумал про себя Какаши, возвращаясь к роли учителя.

— Ну, тут ситуация несколько отличается от вашей: в наших краях ниндзя составляют подавляющее большинство, — Какаши потер подбородок.

<http://bllate.org/book/19320/1889919>